

Л. И. ПЕТРАЖИЦКИЙ VS. Е. ЭРЛИХ: ДВА ПРОЕКТА СОЦИОЛОГИИ ПРАВА*

Е. В. ТИМОШИНА*

В статье сравниваются проекты социологии права Л. И. Петражицкого и Е. Эрлиха. Автор доказывает, что устоявшееся представление о концептуальной родственности их социолого-правовых идей не соответствует действительности, так как с точки зрения Петражицкого социолого-правовой проект Эрлиха можно охарактеризовать как музей научной патологии, о котором Петражицкий писал, оценивая состояние современной ему социологии. В статье на основе обращения к работам Петражицкого варшавского периода и с учетом разработанной им классификации наук реконструируются предмет и метод социологии и социологии права, анализируется предметное разграничение социологии права, теории права, политики права и юридической догматики в интерпретации ученого. Выделены два аспекта для сравнения социолого-правовых идей Эрлиха и Петражицкого — методологический, в рамках которого показывается принципиальное различие методологических оснований их проектов социологии права, и онтологический, в рамках которого выявляется различие их представлений о способе бытия социально-правовой реальности. Раскрывая данный аспект, автор обращается к идее П. А. Сорокина о существовании трех типов социологических представлений: 1) социологический реализм, 2) социологический номинализм, 3) социологический концептуализм. В заключение автор показывает перспективность соотнесения социолого-правовых идей Петражицкого с идеями тех ученых, которые в XX в. осуществили антинатуралистический социологический поворот, и прежде всего с социологической концепцией М. Вебера и феноменологической социологией А. Шютца.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социология права, политика права, юридическая догматика, предмет социологии права, методология социологии права, М. Вебер, Л. И. Петражицкий, А. Шютц, Е. Эрлих.

Тимошина Елена Владимировна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
и истории государства и права
СПбГУ

* Статья представляет собой расширенный текст доклада на Международной научной конференции «Санкт-Петербургская школа философии права и современная юриспруденция» (юридический факультет СПбГУ, Санкт-Петербург, 26 октября 2013 г.).

** Timoshina Elena Vladimirovna — candidate of legal sciences, associate professor of the department of theory and history of state and law, St. Petersburg State University.

E-mail: timochina@yandex.ru

© Тимошина Е. В., 2013

TIMOSHINA E. V. L. PETRAŹYCKI VS. E. EHRLICH: TWO PROJECTS OF THE SOCIOLOGY OF LAW

The paper compares the projects of the sociology of law designed by L. Petrażycki and E. Ehrlich. The author argues that the established notion of conceptual affinity of their socio-legal ideas is wrong, because the socio-legal project of E. Ehrlich, from L. Petrażycki's point of view, can be characterized as a museum of scientific pathology mentioned by Petrażycki while he describe the situation in the sociology of his time. On the basis of L. Petrażycki's works of the Warsaw period and taking into account his classification of sciences, the author reconstructs the subject and the method of the sociology and the sociology of law, analyses the substantive delimitation between sociology of law, theory of law, policy of law and legal dogmatics in the scholar's interpretation. The author distinguishes between two aspects of the comparison of Ehrlich's and Petrażycki's socio-legal ideas: the *methodological* one which demonstrates the essential difference of methodological foundations of their projects of legal sociology and the *ontological one* which reveals the difference of their notions of the mode of existence of socio-legal reality. Expanding this aspect, the author appeals to P. A. Sorokin's idea of three types of sociological conceptions: 1) *sociological realism*, 2) *sociological nominalism*, 3) *sociological conceptualism*. In conclusion, the author shows perspective of the correlation of Petrażycki's socio-legal ideas with the ideas of those scholars who made the antinaturalistic sociological turn in 20th century, first of all, with the ideas of the sociological conception of M. Weber and phenomenological sociology of A. Shütz.

KEYWORDS: sociology of law, policy of law, legal dogmatics, subject of the sociology of law, methodology of the sociology of law, M. Weber, L. Petrażycki, A. Shütz, E. Ehrlich.

«*Habent sua fata libelli*», — часто говорил Л. И. Петражицкий. Свою печальную судьбу имела и его так никогда и не изданная книга по социологии. Впервые он анонсирует свой замысел еще в 1904 г. в работе «О мотивах человеческих поступков», в которой ученый считает необходимым «только поставить» вопрос о том, «как происходят и развиваются вообще и как произошли и развились в истории нашей культуры соответственные человеческие убеждения, ассоциации таких-то эмоций и такого-то рода представлений», и выражает надежду вернуться к решению данного вопроса «в другом месте».¹ Затем, уже в 1907 г., в «Теории права и государства в связи с теорией нравственности» Л. И. Петражицкий обещает представить «обстоятельное доказательство и развитие подлежащей общей теории — «эмоциональной социологии» и на почве ее *специальной теории происхождения и развития права* (курсив мой. — Е. Т.)» в виде «особой книги», предполагавшейся им под названием «Очерки социологии и истории политических учений». В этой книге Л. И. Петражицкий собирался также представить более подробно «теорию действия права и исторические законы развития права».² В 1907 г., во втором издании «Введения в изучение права и нравственности», Л. И. Петражицкий вновь пишет о том, что

¹ Петражицкий Л. И. О мотивах человеческих поступков, в особенности об этических мотивах и их разновидностях. СПб., 1904. С. 75.

² Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 598.

«к вопросу о научной постановке проблемы социологии автор имеет в виду возвратиться в другом сочинении».³

О дальнейшей судьбе замысла работы по социологии сообщает его ученик Е. Ланде: Л. И. Петражицкий «несколько раз читал лекции по социологии, но не публиковал их. У него было три рукописи по социологии, каждая из которых была написана в разное время. Последний вариант был написан в Варшаве. Однако слабое здоровье и угнетенное состояние помешали ему закончить книгу и опубликовать ее. Рафаль Вундхайлер [Rafal Wundheiler], один из студентов Петражицкого, был инициатором краткого представления социологии Петражицкого. Так, у него на руках были записи лекций Петражицкого за несколько лет, он перечитал их Петражицкому, который их тогда исправил и доработал. Таким образом, он составил сокращенный текст. Он опустил многое из специфического материала, но в целом охватил всю область. Текст должен был быть опубликован незамедлительно, но Петражицкий продолжал откладывать это до своей смерти. Вдова Петражицкого сохранила рукописные копии социологии наравне со многими другими заметками, текстами и машинописной рукописью, отредактированными Вундхайлером. Однако Варшавское восстание 1944 года привело к полному уничтожению этих документов. Социология в своем первоначальном виде была утеряна навсегда».⁴

Итак, в отсутствие соответствующего произведения Петражицкого, которое было бы специально посвящено данной проблеме, «реконструкция идей Л. Петражицкого о социологии вообще и социологии права в частности, — как замечал А. Подгурецкий, — нелегкое занятие»,⁵ а вопрос о сравнении его социолого-правовых идей с проектом социологии права Е. Эрлиха, казалось бы, вообще не может быть поставлен. Тем не менее неопределенность социологического проекта Петражицкого не помешала за многие десятилетия изучения его теоретического наследия сопоставить его общесоциологические и социолого-правовые идеи с концепциями целого ряда социологов и социологов права XX в. — среди них Э. Дюркгейм, Р. Паунд, Т. Парсонс, Дж. Г. Мид, Н. Луман и др.⁶

Одним из наиболее распространенных в научной литературе является сопоставление размышлений Петражицкого с социолого-правовыми идеями Е. Эрлиха. Так, Р. Банакар, выражая до известной степени устоявшуюся точку зрения, пишет о том, что и Эрлих, и Петражицкий критиковали аналитическую юриспруденцию за ее концептуальный формализм и пренебрежение эмпирическими фактами и отстаивали *эмпирически обоснованное понятие права*, которое являлось более широким по своему объему, чем понятие официально установленного права.⁷

---

³ *Петражицкий Л. И.* Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии // *Петражицкий Л. И.* Теория и политика права. Избр. тр. / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб., 2010. С. 441.

⁴ *Ланде Е.* Социология Петражицкого // *Российский ежегодник теории права.* № 3. 2010. СПб., 2011. С. 634-635.

⁵ *Подгурецкий А.* Очерк социологии права / под общ. ред. А. Р. Ратинова; вступ. ст. В. Н. Кудрявцева, А. Р. Ратинова; пер. с польск. А. Б. Венгерова. М., 1974. С. 275.

⁶ См., напр.: *Clifford-Vaughan M., Scotford-Morton M.* Legal Normsand Social Order: Petrażycki, Pareto, Durkheim // *British Journal of Sociology.* 1967. Vol. 18. № 3. P. 269-277; *Дензин Н. К.* Взаимодействие, право и нравственность: вклад Льва Петражицкого // *Правоведение.* 2012. № 5. С. 225-243; *Джонсон Г. М.* Социология Л. Петражицкого в перспективе структурно-функциональной теории // Там же. С. 205-224.

⁷ *Banakar R.* Law Through Sociology's Looking Glass: Conflict and Competition in Sociological Studies of Law // *The New ISA Handbook in Contemporary International Socio-*

Уместен вопрос: как сам Л. И. Петражицкий отнесся бы к такому сопоставлению, указывающему на концептуальную родственность собственных идей с идеями Эрлиха? Позволим себе сначала ответить на этот вопрос, а потом представить соответствующую аргументацию. Представляется, что с точки зрения Петражицкого социолого-правовой проект Эрлиха есть тот самый *музей научной патологии*,⁸ о котором писал Петражицкий, характеризую состояние современной ему социологии.

Какое значение имеет обсуждение этого, на первый взгляд, частного вопроса? Существуют, по крайней мере, два основания его обсудить.

Во-первых, как справедливо отмечает Р. Коттеррелл, многочисленные критики проекта социологии права Эрлиха зачастую стремились бросить тень сомнения на социологию права как таковую, не способную удовлетворить элементарным требованиям научности.⁹ Сравнение позиций двух ученых интересно в том отношении, что Петражицкий как раз был далек от подобного радикализма в отношении социологии права, а его усилия были направлены на то, чтобы разработать ее методологические основания. Таким образом, *во-вторых*, ответ на этот вопрос необходимым образом связан с методологическими основаниями социального, в том числе социолого-правового, знания.

Сравнение проектов социологии права Петражицкого и Эрлиха может быть осуществлено в нескольких аспектах, в каждом из которых можно зафиксировать принципиальное различие позиций двух ученых, — это касается и оценки ими значения и ценности обычного права в развитии правовой культуры,¹⁰ и их отношения к школе свободного

---

logy: Conflict, Competition and Cooperation / A. Denis, D. Kalekin-Fishman (eds.). U. of Westminster School of Law Research Paper. №. 10–09. Sage, 2009. P. 67–68.

⁸ *Петражицкий Л. И.* Введение в изучение права и нравственности. С. 440.

⁹ *Коттеррелл Р.* Эрлих на окраине Империи: центры и периферии в правовых исследованиях // Российский ежегодник теории права. № 1. 2008. СПб., 2009. С. 557.

¹⁰ Концепция обычного права Петражицкого, в рамках которой он рассматривает этот вид позитивного права в неразрывной связи с культурой общества и целями правовой политики, раскрывая также его отношение к законному праву, достаточно сложна для того, чтобы пояснить ее суть в нескольких словах. Прочитую лишь один отрывок, наглядно свидетельствующий о том, что Петражицкий был далек от идеализации обычного права, столь свойственной «социологической школе» вообще и Е. Эрлиху в частности: «Если мы обратимся к истории, то легко убедимся, что отношение исторической школы к обычному праву антиисторично: оно отрицает или игнорирует тот фактор, который играл постоянную и серьезную роль в истории новой европейской культуры, ту силу, без могучего действия которой не создалась бы культура, плодами которой мы теперь пользуемся, забывая нередко о ее происхождении. Беспременно быстрый рост и богатый расцвет цивилизации среди варваров, которые разрушили римскую империю и наполнили своими ордами Европу, объясняются отнюдь не неприкосновенным развитием тех обычаев, которые были свойственны этим варварам-язычникам, а, напротив, искоренением их обычаев, заменю их христианским законодательством и насаждением права более культурного типа. (...) Только одним из наиболее известных примеров является упорная борьба против примитивного обычного права в области нормировки половых и семейственных вообще отношений и введение новой основы общественной организации — христианской моногамической семьи. Кровавая месть, взаимостребление родов, всевозможные виды насилий, освященные примитивным обычным правом, и т. п. тоже подвергались систематическому искоренению со стороны церкви и государства, насаждавших вообще право, соответствовавшее неизмеримо высшему в умственном и нравственном смысле миросозерцанию, нежели то, которое свойственно было народным массам» (*Петражицкий Л. И.* Обычное право // Петражицкий Л. И. Теория и политика права. С. 203). Для Е. Эрлиха, отождествлявшего социальное право с обычным правом, последнее — это «жизненные формы, которые возникают

права,¹¹ и понимания ими роли интереса в праве. Так, Петражицкий никогда не согласился бы с утверждением Эрлиха о том, что «человек всегда поступает в своих интересах», а следовательно, решить «весь комплекс актуальных для социальных наук вопросов» сможет только тот ученый, у которого получится дать всестороннее описание интересов, побуждающих человека к действию.¹²

независимо от государственного вмешательства и которые через действующие жизненные силы становятся основой для государственного, экономического и социального порядка (курсив мой. — Е. Т.)» (*Ehrlich E. Die Tat sachen des Gewohnheitsrechts. Czernowitz, 1907. S. 28.* — Цит. по: Антонов М. В. Социология права: рождение новой научной дисциплины // Эрлих О. Основоположение социологии права / пер. с нем. М. В. Антонова; под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. СПб., 2011. С. 32). Очевидно, что взгляды двух правоведов на данный вопрос не могли бы быть более противоположными.

¹¹ Если Эрлих не сомневался в том, что «вследствие развития идеи свободного права в наши дни будет иметься не только прогресс в научном познании, характерный для других областей научного знания, но и существенный сдвиг во взаимоотношениях государства и общества» (*Эрлих О. Основоположение социологии права. С. 73–74*), то Петражицкий оценивал соответствующий комплекс идей резко критически. Так, он полагал, что его практическим следствием является «саморазложение и отрицание существа и задач юриспруденции как таковой», нарушение «высшего принципа юриспруденции» — «принципа легальности». В конечном итоге лозунги модной школы приводят к тому, что искусство толкования закона превращается «в практическое искусство граждан, юридических практиков и администраторов попирающих и обходить законы и право сообразно тем разнообразным “видам”, “целям” и “интересам”, в которых они в конкретных случаях... заинтересованы». Тогда, делает вывод Л. И. Петражицкий, «на сцене появляется та же “юридическая логика”, но только это не целомудренная Фемида, а проститутка, продающая себя ради “интереса”, лживая рабыня, нахально обманывающая своего господина и притворно понимающая слова его (закона), как ей угодно» (*Петражицкий Л. И. Модные лозунги юриспруденции // Петражицкий Л. И. Von a fides в гражданском праве. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. СПб., 1897. С. 386*).

¹² Эрлих О. Основоположение социологии права. С. 114–115. — Очевидно, что Эрлих разделяет здесь взгляды Р. Иеринга, идеи которого были предметом постоянной критики Петражицкого. В частности, ученый критиковал его представление о том, что существо любого субъективного права составляет так называемый интерес: «...в современной юриспруденции... признается несомненной истиной и повторяется на каждом шагу положение, что все права устанавливаются в интересах тех лиц, которым они даются, что они устанавливаются ради интересов, для охраны интересов подлежащих лиц и т. п., или что смысл и значение прав состоит в доставлении выгод, в удовлетворении потребностей, интересов тех, кому они принадлежат, и т. д. — следует отметить, что и эти положения... ошибочны... Выше нам пришлось иметь дело с правами служебной и социальной власти... Эти права — особенно ясные и поразительные иллюстрации несостоятельности тезисов Иеринга и его школы относительно “цели”... прав в субъективном смысле. Эти права, например, права опекунской власти по отношению к подопечным, права наставников, воспитателей, директоров учебных заведений по отношению к подвластным и проч. и проч. “существуют в интересах” отнюдь не опекунов и других субъектов прав этого рода, а в интересах обязанных. Точно так же разные права, предоставляемые поверенным в делах, управляющим, приказчикам... как средство для исполнения их служебных функций, существуют не для интересов тех, кому они предоставляются. (...)

Но и относительно тех прав, например... прав собственности, денежных притязаний и т. п., представление о которых лежит в основании учений Иеринга и его школы, весьма наивно и поверхностно думать, будто они... развиваются ради интересов тех или других субъектов. Право, как и нравственность, представляют продукты бессознательно-удачного социального приспособления ко благу и процветанию обществ и духовно-культурному воспитанию человечества. И для понимания социального смысла тех или иных прав, например, прав собственности, долговых, наследственных прав следует иметь

В данной статье мы ограничимся только двумя взаимосвязанными аспектами — методологическим и онтологическим. Таким образом, во-первых, будут показаны фундаментальные различия в их подходах к методологии социологии права; во-вторых, обусловленное этим различие их представлений о способе бытия социально-правовой реальности.

Прежде всего, необходимо определить предмет социологии и социологии права в интерпретации Петражицкого.

Рассматривая замысел социологии права в рамках разработанной Петражицким классификации наук и в общей связи с его логико-методологическими идеями, можно с достаточной степенью точности реконструировать представления ученого о предмете социологии и, соответственно, социологии права.

Петражицкий не рассматривал социологию права как юридическую науку. В его представлении социология права — это субсоциологическая дисциплина, «видовая» теория по отношению к «родовой» общесоциологической теории. При этом общая социология интерпретировалась ученым как построенная в соответствии с теоремой об $n+1$ теорий¹³ «высшая родовая теория общественных процессов», высшая по отношению к различным «подчиненным» ей учениям — теории права, теории государства, теории морали, теории хозяйства, религии и др. «Над n видовых общественных теорий, — пишет Петражицкий, — может и должна быть построена $n+1$ теория, еще одна теория, высшая, родовая, трактующая не о праве или экономике, религии и т. п., но о принципиально иных вещах, о том, что является общим и свойственным общественным процессам вообще, что является законом социальной эволюции вообще и т. д. (курсив мой. — Е. Т.)».¹⁴

В «Новых основаниях логики» ученый, в частности, пишет следующее: «Перед истинной, а не условной лишь социологией стоит задача путем изучения процессов психических контактов, взаимного эмоционального и интеллектуального “заражения” контактирующих особей — процессов... особую роль играющих в человеческой жизни в связи с развитием

в виду не карманы тех или иных собственников, кредиторов, наследников, а народное хозяйство и народную культуру... Хотя и весьма “практичная”, но поверхностная точка зрения Иеринга и его школы должна быть заменена народно-хозяйственной и народно-культурной точкой зрения» (Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. С. 299–300).

¹³ Сформулированная Петражицким теорема об $n+1$ теорий необходимо следует из разработанного им же методологического принципа адекватности, предписывающего «заботиться об адекватности теорий в смысле отнесения высказываемого к надлежащим достаточно обширным классам объектов» (Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. С. 434), и, таким образом, каждый из этих двух методологических инструментов служит цели достижения логического единства и полноты системы научного знания.

Согласно теореме об $n+1$ теорий при « n видов сродных предметов» необходимо $n+1$ теоретических наук (Там же. С. 436–437). Более точная формулировка данной теоремы была дана ученым в варшавский период: «Если существуют два вида a и b , то надлежащим образом построенное теоретическое учение должно состоять из 1) теории, адекватной для вида a , объясняющей, что составляет *specificum* этого вида в отличие от вида b ... 2) теории, также адекватной для вида b , и 3) из теории, адекватной для $a+b$, т. е. для класса, охватывающего эти два вида, теории иерархически высшей, более общей, родовой» (Петражицкий Л. И. Новые основания логики и классификация наук // Петражицкий Л. И. Теория и политика права. С. 845; подробнее об этом см.: Тимошина Е. В. Как возможна теория права? Эпистемологические основания теории права в интерпретации Л. И. Петражицкого. М., 2012. С. 48–50).

¹⁴ Петражицкий Л. И. Новые основания логики и классификация наук. С. 845.

и существованием языка — выяснить возникновение на этом фоне своеобразных изменений индивидуальной и массовой психики, в том числе возникновение новых психических продуктов, приспособленных не к потребностям индивида, но к потребностям и необходимости общественной жизни, в том числе и таким, как мораль, право, санкционирующие и укрепляющие эти социальные директивы религиозные верования и т. д.». В представлении Петражицкого, социология должна исходить не из уже данного существования таких явлений, как право, мораль, религия, но «из такого положения вещей, когда таких социальных директив... еще нет, и выяснить возникновение и развитие таких продуктов в общем виде».¹⁵ Критикуя социологию О. Конта с точки зрения разработанного им принципа адекватности теорий, Петражицкий подчеркивает также, что «настоящая социология, заглядывающая глубже и имеющая больший охват», должна не исходить из уже готового существования организованных социальных групп (от семьи до государства), но представить их как продукты изучаемых ею эволюционных социопсихических процессов.¹⁶

При этом вопросы иерархической структуры социальных групп, прежде всего государства, не входят в предмет социологии, а подлежат изучению в рамках общей теории права, так как данная структура конституируется правом и есть следствие его организационной функции. Исходя из этого, ученый полагал, что социологическое понятие государства — «это своеобразная *contradictio in adjecto*»: «Если речь идет о социологическом учении, то оно не может быть учением о государстве, если же речь идет об учении о государстве, то *eo ipso* оно не является социологическим. В любом случае, — делает вывод Петражицкий, — мы имеем здесь свидетельство дезориентации в отношении сущности и охвата социологии».¹⁷

Таким образом, согласно замыслу ученого, социология должна строиться как универсальная теория, предметом которой являются опосредуемые языком социопсихические (мотивационные) процессы, рассмотренные в ракурсе их генезиса и эволюционного развития. Именно в таком — эволюционном — ракурсе раскрывается социальный и одновременно этический смысл данных процессов, «бессознательно-гениальная» цель которых, — это социальное приспособление человека, характеризующееся господством альтруистической мотивации его поведения. Следует согласиться с Е. Ланде в его реконструкции предмета социологии в понимании Петражицкого: «С некоторыми оговорками... социология может быть названа теорией социального развития или развития культуры».¹⁸

Соответственно, социология права как субсоциологическая дисциплина, т. е. как видовой теория общей социологии, представляет собой теорию происхождения и эволюции права как социопсихического явления культуры, или, иными словами, теорию происхождения и эволюции правовой мотивации, благодаря действию которой возникает эффект взаимобусловленного поведения субъектов.¹⁹ Таким образом, конститутивным

¹⁵ Там же. С. 846.

¹⁶ Там же. С. 847.

¹⁷ Там же. С. 848.

¹⁸ Ланде Е. Социология Петражицкого. С. 639.

¹⁹ Такой подход к дисциплинарному статусу социологии права впоследствии разделяли ученики Петражицкого. Так, Н. С. Тимашев, подчеркивая внеюридический характер социологии права, в частности, писал: «Социологический подход с необходимостью образует только своего рода дополнение к аналитическому, историческому, сравнительному или теоретическому исследованию правовых норм, поскольку

признаком социологии права являлась гипотеза эволюционного характера социопсихических процессов. Она необходимо предполагала цель эволюционных изменений правовой психики, сообщавшую соответствующим процессам направленность и позволявшую выявить их этический смысл. Если общая социология, согласно замыслу Петражицкого, раскрывает «загадочную целенаправленность»²⁰ исторически наблюдаемого эволюционного развития культуры в целом, то социология права призвана объяснить «загадку» собственно этического прогресса, главным «инструментом» которого является, по мнению ученого, именно право, вследствие своего императивно-атрибутивного характера создающее «прочную» систему координированного поведения.

Такая трактовка предмета социологии и социологии права вписывается в господствовавшую в социальных науках второй половины XIX в. эволюционную парадигму, однако Петражицкий, последовательно «очищая» ее от каких-либо биологических примесей и категорически не приемля социал-дарвинистических идей «борьбы за существование» и «выживания сильнейшего», трансформирует гипотезу естественного отбора в идею «бессознательно-гениального», опосредуемого языком социопсихического приспособления.

Для того чтобы определить соотношение социологии права с такими юридическими науками, как теория права, политика права и юридическая догматика, и тем самым продвинуться к пониманию предметно-методологической специфики социологии права в интерпретации Л. И. Петражицкого, необходимо кратко пояснить разработанное правоведом деление наук на теоретические и практические.

Логическим основанием данного деления являются так называемые *позиции*, которые ученый определял как «соответствующие простые, далее неразложимые смыслы, т. е. содержание суждений или предложений».²¹ Выделив в структуре научной теории три вида позиций: 1) главные, т. е. *тезисы*; 2) *базисы*, служащие для обоснования тезисов; 3) аксессуарные (примеры, иллюстрации и т. п.), Петражицкий уточняет, что критерием классификации наук являются именно тезисы, подразделяемые им на *объективно-когнитивные*, представляющие собой ценностно нейтральные, констатирующие утверждения, по отношению к которым может применяться критерий истинности, и *субъективно-относительные*, выражающие оценки, пожелания, требования и т. п., к которым критерий истинности неприменим. Проводя деление наук на *теоретические*, тезисы которых имеют объективно-когнитивный характер, и *субъективно-относительные (практические)*, являющиеся «прикладными» по отношению к теоретическим, ученый формулирует методологическое правило: базисами как теоретических, так и прикладных наук должны быть объективно-когнитивные позиции, при этом в пределах одной науки не должно быть смешения тезисов, столь характерного для социально-гуманитарных наук. Исходя из этого можно реконструировать определение ученым теоретического

невозможно создать систему знания, которая в точности сочетала бы в себе формальное изучение норм и каузальное изучение человеческого поведения в связи с этими нормами. Такому исследованию требуется место рядом с юриспруденцией, но не внутри нее» (*Timasheff N. S. Introduction to the Sociology of Law. New Brunswick, 2007. P. 19–25; Тимашев Н. С. Что такое социология права? // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 109).*

²⁰ Ланде Е. Социология Петражицкого. С. 643.

²¹ Петражицкий Л. И. Новые основания логики и классификация наук. С. 782.

и практического знания: *теория* — это методологически обоснованная система подлежащих истинностной оценке объективно-когнитивных тезисов, субъектом которых является адекватный класс; *прикладная, практическая наука* — это выстроенная в соответствии с принципом адекватности система не подлежащих истинностной оценке субъективно-относительных тезисов, базисы которых имеют объективно-когнитивный характер. Данное определение подчеркивает необходимую связь теоретических и практических наук, при этом теоретическая обоснованность прикладного знания является условием его научной состоятельности.

Соответственно, *социология права и теория права* представляют собой *теоретические науки*,²² тезисы которых имеют объективно-когнитивный характер, в то время как *политика права и юридическая догматика* являются видами *практических* юридических наук, тезисы которых не подлежат истинностной оценке: первая является телеологической наукой, вторая — нормативной.

Наиболее очевидным является *отличие социологии права от юридической догматики*, которое легко пояснить с помощью критических аргументов Петражицкого в адрес органической теории юридических лиц. По его мнению, представители этой теории «жестоко ошибаются», когда думают, что, рассуждая о социальных организациях, доказывая, что казна, акционерная компания рождаются и умирают, имеют душу и тело, свою волю и т. п., они изучают юридическое лицо как субъект права. На самом деле, полагает ученый, они «находятся вовсе не в области права... а где-то совсем в другом мире; они фантазируют по адресу биологов, социологов, но для юриста они говорят о вопросах столь же посторонних, как те, которые изучаются в учебниках анатомии, физиологии, акушерства и т. д.».²³ В связи с этим следует подчеркнуть, что, если, например, И. А. Покровский вслед за О. Гирке полагал выяснение «преюдициального вопроса о социальной реальности» безусловно необходимым для правильного теоретического разрешения вопроса о природе юридических лиц,²⁴ то Петражицкий придерживался принципиально иной точки зрения. Юридическое лицо, как

---

²² Следует подчеркнуть, что Петражицкий отстаивал чистоту социологии и социологии права как теоретических наук и занимал критическую позицию по отношению к такой модели предмета социологии, которая может быть условно обозначена как *субъективистская*. Ее характерной особенностью является смешение в пределах одной науки теоретической и практической точек зрения, точнее говоря, как писал Петражицкий, «разрешение теоретических вопросов согласно практическим мнениям и убеждениям, принятие за истину того, что хочется считать истиной для тех или иных практических целей» (*Петражицкий Л. И. Философские очерки // Петражицкий Л. И. Теория и политика права. С. 646*). Такого рода упрек ученый адресует, в частности, социологическим концепциям О. Конта, К. Маркса, В. Зомбарта и др., представляющим собой, по его мнению, смешение объективно-когнитивных и субъективно-относительных позиций (*Петражицкий Л. И. 1) Новые основания логики и классификация наук. С. 846; 2) Философские очерки. С. 644–648*). То же самое, как известно, он писал и применительно к теории права (*Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. С. 239*).

²³ *Петражицкий Л. И. Очерки философии права // Петражицкий Л. И. Теория и политика права. С. 377*.

²⁴ *Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1917. С. 129*. — О. Гирке, в частности, полагал, что вопрос о сущности союзов для юриспруденции является центральным вопросом (*Kernfrage*) (*Gierke O. Das Wesen der menschlichen Verbände. Rede bei Antritt des Rektorats gehalten in der Aula Königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität am 15. Oktober 1902. Berlin, 1902. S. 5*).

впрочем, и государство, в качестве именно *субъектов права* с юридико-догматических позиций Петражицкого не представляют собой какой-либо социальной реальности. Точнее говоря — вопрос об их *социальной* реальности не относится к предмету юридической догматики.²⁵ Коллективные субъекты права являются исключительно «субъектными представлениями» — необходимыми элементами интеллектуального состава нормативных (правовых) суждений. Это, однако, не исключает возможности их исследования как особых эволюционирующих социокультурных феноменов в рамках социологии права или, например, политической экономии.

Менее очевидным, на первый взгляд, является *отличие социологии права от политики права*. Вместе с тем сделанное выше пояснение, касающееся различий между теоретическими и практическими науками, в данном случае также позволяет провести соответствующее предметное разграничение: социология права, в представлении Петражицкого, это теоретическая наука и как таковая она отграничивается от политики права, которая представляет собой *телеологическую — не теоретическую!* — науку о принципах рационального управления эволюционными процессами, осуществляемого при помощи права социопсихического приспособления. Соответственно, тезисы (главные позиции) социологии права как теоретической науки являются базисами (обосновывающими позициями) политики права как телеологической науки, задача которой — вырабатывать адресованные законодателю телеологические «директивы» («телемы») и тем самым способствовать достижению этической цели социокультурной эволюции права. Иначе говоря, если предмет социологии права — социокультурные процессы генезиса и эволюционного развития права, интересующего в данном ракурсе в качестве «инструмента» мотивационного и воспитательного воздействия на человека, то политика права на основании теоретического знания об этих процессах, а также данных других наук формулирует правила рационального управления ими, всегда имея в виду главную цель социокультурной эволюции права — «нравственное развитие человека, достижение высокой разумной этики в человечестве, а именно идеала любви».²⁶

Гораздо более проблематичным является *разграничение теории права и социологии права*. Социология права задумывалась им, с одной стороны, именно как теоретическая наука, как *теоретическая* социология права, с другой стороны, как научная дисциплина, не тождественная теории права. Вероятно, именно *генетический и эволюционный* характер социальных процессов в качестве предмета социологии позволяет провести различия между теорией права и социологией права. При этом гипотеза эволюционного характера процессов правовой мотивации, являющаяся конститутивным признаком его социологии права, образует ту перспективу, которая позволяет в рамках теории права исследовать ценностно-нормативные и социокультурные аспекты действия права. Вместе с тем теория права Петражицкого глубоко социологична.²⁷ Она обнаруживает

²⁵ Л. И. Петражицкий, в частности, писал: «Вопрос о социальных организмах составляет, так сказать, излишнюю для юриста роскошь, а излишнее в науке не должно иметь места» (*Петражицкий Л. И. Очерки философии права*. С. 376).

²⁶ *Петражицкий Л. И. Введение в науку политики права // Петражицкий Л. И. Теория и политика права*. С. 10.

²⁷ Как отмечал, в частности, А. Валицкий, создатель «психологической теории права» в действительности демонстрировал «глубоко *социологический* подход к психическим явлениям» (*Валицкий А. Философия права русского либерализма*. М., 2012. С. 298).

свой социологический характер тогда, когда ученый от описания логической структуры нормативных правовых суждений, рассматриваемых им — в соответствии с психологической парадигмой классической логики — в качестве специфических эмоциональных актов, переходит к анализу их мотивационного действия, которое и создает социальный эффект координированного поведения управомоченных и правообязанных субъектов.

Следовательно, социология и соответственно социология права — это в его представлении именно *теоретические*, а не прикладные, практические науки, к каковому он относил политику права и юридическую догматику.

Что это означает с точки зрения Петражицкого? Ответив на этот вопрос, мы, таким образом, установим *первое отличие* между проектами социологии права Петражицкого и Эрлиха — *методологическое*.

Принципиальное положение методологии Петражицкого состоит в том, что *индуктивный метод не является методом получения теоретического, а следовательно, и социолого-правового, знания*. Ученый подчеркивает, что «теоретическое знание не есть... копия или протокол действительности и содержит в себе принципиально отличное от того, что могло бы быть констатировано путем наблюдения». ²⁸ Теории содержат утверждения не о тех объектах, которые существовали или существуют и могут быть подвергнуты наблюдению, но о так называемых *классах* (в логическом смысле) — т. е. о мыслимых, абстрактных объектах, обозначаемых общими, или *классовыми, понятиями*. Согласно его определению, «под общим или классовым понятием следует разуметь идею таких предметов, которые обладают известными признаками, т. е. *идею всего того, что мыслимо как обладающее известными признаками*. Под классом... следует разуметь объекты идей такого рода, т. е. все те предметы (вещи, явления и т. д.), которые... *мыслимы как обладающие соответственными свойствами*» (курсив мой. — *Е. Т.*). ²⁹ С точки зрения Петражицкого, классы как рационально сконструированные абстрактные объекты не тождественны эмпирически данному множеству «предметов» и как таковые вообще недоступны процедуре наблюдения. Таким образом, никакая доступная эмпирическому наблюдению совокупность «фактов» сама по себе не может образовать логический класс в качестве референта классового (общего) понятия.

Вследствие этого, по мнению Петражицкого, «приемы изучения, которые сводятся к протоколированию... констатированного в действительности, могут быть годными и достаточными методами только... в области конкретных, описательных и повествовательных наук, но не в области классовых наук, теорий», оперирующих общими понятиями. ³⁰ Соответственно, индуктивный метод, предполагающий предварительное эмпирическое наблюдение необходимо ограниченной предметной области и последующую обобщающую абстракцию на основе замеченных признаков сходства у экземпляров множества, с точки зрения ученого, абсолютно неадекватен цели образования общих понятий, которые указывают на классы как на мыслимые объекты, а значит, — неадекватен и цели построения системы теоретического, в том числе социолого-правового, знания.

Таким образом, Петражицкий исходил из принципиальной *несоизмеримости теоретического и эмпирического знания*, а следовательно, из

²⁸ Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. С. 460.

²⁹ Там же. С. 409.

³⁰ Там же. С. 460.

логической невозможности построения теории на основе индуктивного обобщения некоторой совокупности подвергнутых наблюдению «фактов». Он очевидным образом исходил из контриндуктивной методологической программы.³¹

Эрлих придерживался прямо противоположной позиции. Социология, в том числе и социология права, по его мнению, должна быть «наукой, основанной на наблюдении».³² Так, он отмечает, что именно вследствие своего дедуктивного характера «юриспруденция резко противоречит всей современной науке, в которой преобладает индуктивный метод», в то время как именно с помощью данного метода, убежден Эрлих, можно «расширять наше знакомство с сущностью вещей через наблюдение за действительностью, через накопление опыта».³³ В основе социологии права Эрлиха лежало «наивное», по оценке его оппонента Кельзена, представление о том, что наука возможна только как индуктивная, что право есть «факт», закономерности бытия которого могут быть установлены индуктивным путем и объяснены через причинно-следственную связь.³⁴ Эрлих, в частности, утверждал, что «представления о праве... сформированы из той материи, которую мы можем найти в чувственной воспринимаемой реальности», или, иначе говоря, из «фактов, которые мы наблюдали».³⁵ Как полагал социолог, такие факты «должны были появиться прежде, чем в человеческом мозгу вообще начала зарождаться мысль о праве и правовых отношениях (курсив мой. — Е. Т.)».³⁶

Поясняя методологию социолого-правового исследования, Эрлих пишет: «Исследование живого права — это та точка, от которой должна начинаться социология права. Она будет направлена на исследование конкретного, а не абстрактного, ведь наблюдению поддается лишь конкретное. Так же анатом рассматривает под микроскопом не человеческие мускулы вообще, а определенные мускулы отдельного человека... То же самое касается и правоведа (курсив мой. — Е. Т.)».³⁷

Трудно сформулировать положения, которые были бы столь же противоположны методологической позиции Петражицкого. Содержание социологии, обусловленное использованием индуктивного метода, представляет собой, по его едкому замечанию, «нагромождение курьезных и сомнительных сведений из жизни дикарей», что можно считать социологией только по недоразумению.³⁸ Таким образом, для Петражицкого были неприемлемы эмпиристские интерпретации предмета социологии, так как они превращали ее в описательную науку, в то время как, с точки зрения ученого, социология должна конструироваться как наука теоретическая

³¹ Вероятно, она может быть сопоставлена с гипотетико-дедуктивной моделью научного знания Поппера, на что в свое время справедливо обращал внимание Я. Воленский, но развитие этого предположения находится уже за пределами предмета данной статьи (подробнее об этом см.: Тимошина Е. В. Как возможна теория права? С. 165–176).

³² Эрлих О. Основоположение социологии права. С. 467.

³³ Там же. С. 70.

³⁴ Кельзен Г. Основоположение социологии права // *Российский ежегодник теории права*. № 1. 2008. СПб., 2009. С. 604, 607.

³⁵ Эрлих О. Возражение [Г. Кельзену] // *Российский ежегодник теории права*. № 1. 2008. СПб., 2009. С. 638.

³⁶ Эрлих О. Основоположение социологии права. С. 136.

³⁷ Там же. С. 490.

³⁸ Петражицкий Л. И. Введение в науку политики права. С. 34.

в строгом смысле слова: «Социология должна быть не описанием каких-то конкретных частных явлений, семейных, экономических и других, а *общей, универсальной теорией, относящейся к общественным явлениям, общественной жизни вообще...*».³⁹ Такая позиция в отношении предмета социологии, еще раз подчеркну это, соответствовала представлению ученого о том, что научная теория, и прежде всего социальная теория, не может строиться индуктивно. Для Петражицкого, таким образом, оказывались неприемлемыми и эмпиристские трактовки социологии права как «видовой» теории по отношению к «родовой» общесоциологической теории.

Очевидно, что в данном случае обнаруживаются фундаментальные расхождения двух социолого-правовых традиций — эмпирической и теоретической. При этом наиболее распространено представление о том, что в границах научного знания у эмпирической социологии права нет каких-либо альтернатив, и неэмпиристские версии социологии обречены либо на «метафизичность»,⁴⁰ либо на тождество с социологической теорией (или философией) права.⁴¹ Вместе с тем, как было показано, у Петражицкого можно найти попытку ответа на вопрос о разграничении предметов теории права и социологии права.

Любая методологическая позиция имеет *онтологический «эффект»*, т. е. коррелирует с определенной онтологией (или конструирует ее). Теперь мы можем обратиться ко *второму различию* в позициях Эрлиха и Петражицкого — *онтологическому*.

Итак, если Эрлих полагал, что «представления о праве формируются из фактов, которые мы наблюдали», то возникает вопрос, что представляют собой эти наблюдаемые факты в качестве предмета социологии права? Эрлих отвечает на этот вопрос путем простого перечисления тех явлений, которые должны, по его мнению, стать предметом изучения для социологии права. Это так называемые юридические факты: обычай, отношения властвования и подчинения, уставы, договоры; рассматриваемые в качестве фактов — т. е. с точки зрения их происхождения и действия — правовые предположения; правообразующие силы общества. Именно на эти явления, убежден Эрлих, «должны быть направлены глаза социолога, которому следует собирать эти факты».⁴² «Непосредственное наблюдение за юридически значимыми отношениями между людьми, обобщение результатов такого наблюдения» — это, полагает Эрлих, и есть «наиболее научная часть юриспруденции».⁴³

Однако затруднение в данном случае заключается в том, что все перечисляемые Эрлихом явления в качестве предмета социологии права относятся к принципиально ненаблюдаемым «вещам»: как таковые, т. е. как юридические или социальные факты, они недоступны процедуре эмпирического наблюдения.

Позиция Петражицкого была прямо противоположной пониманию юридических фактов как доступных непосредственному наблюдению. Ученый критикует объективистское представление о юридических фактах, в соответствии с которым они рассматриваются как «нечто объективно существующее», в то время как, по его мнению, они существуют

³⁹ Петражицкий Л. И. Философские очерки. С. 643.

⁴⁰ Ross A. On Law and Justice. Berkeley, 1959. P. 4–5.

⁴¹ Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1998. С. 26–28.

⁴² Эрлих О. Основоположение социологии права. С. 467.

⁴³ Там же. С. 470.

исключительно «в представлении». С его точки зрения, ни один факт не может быть обнаружен в мире пространства и времени именно как «юридический факт»; юридические «свойства» того или иного факта «существуют» в «представлении» данного факта в качестве «причины или условия приписывания себе или представляемым другим существам обязанностей и прав» — иными словами, конституируются в процессе интерпретации его смысла как основания возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей. Петражицкий подчеркивает, что сами по себе «события внешнего мира как таковые... такого эффекта вызвать не могут. Он... вызывается не подлежащими фактами как таковыми, а соответствующими представлениями».⁴⁴ Вероятно, используя термин «представление факта», ученый, прежде всего, имел в виду то, что в правовой «реальности» факты не существуют изолированно от конструируемого субъектами их смысла, а потому более адекватно выражающим мысль ученого был бы термин «смысл факта».

Прояснение принципиальных различий методологических позиций Петражицкого и Эрлиха позволяет, таким образом, ответить на вопрос о том, из каких представлений о социальной реальности исходили оба ученых.

П. А. Сорокин полагал, что существующие ответы на вопрос «что такое общество?» укладываются в три основных типа социологических представлений: 1) *социологический реализм*, в рамках которого общество интерпретируется как «реальность, существующая *per se*, как подлинная реальность, качественно отличная от простой суммы составляющих ее членов»; 2) *социологический номинализм*, представляющий общество как фиктивное понятие, не более чем слово, которому «ничто не соответствует в транссубъективном или субъективном мире сознания»; 3) *социологический концептуализм*, исходящий из того, что общество «не существует как реальность в транссубъективном мире, но существует как реальное понятие в нашем сознании». При этом, как подчеркивал П. А. Сорокин, вопросы о реальности государства и юридических лиц также предполагают аналогичные типы решений.⁴⁵

Индуктивная методология социолого-правового исследования часто коррелирует с номиналистической интерпретацией общества,⁴⁶ в соответствии с которой «реальностью обладают лишь отдельные индивиды

⁴⁴ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. С. 367.

⁴⁵ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000. С. 372–374. — Как отмечает современный социолог Ю. Н. Давыдов, для сторонников социологического реализма истинными «носителями» социальной реальности являются *над-* или *сверхиндивидуальные* целостности: общество, государство, народ, семья, — а не конкретные («эмпирические») индивиды. При этом к существенным особенностям реалистической ориентации в социологии ученый относит «противопоставление социальной реальности конкретным индивидам, предстающим как нечто совершенно случайное — бессущностная материя формирующих ее социальных “тотальностей”» (Давыдов Ю. Н. О. Конт и умозрительно-спекулятивная версия позитивной науки об обществе (Конт и Гегель) // История теоретической социологии: В 4 т. Т. 1 / отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. М., 2002. С. 134–135).

⁴⁶ Примером номиналистической ориентации в социальной теории является социология Дж. Ст. Милля, который, как известно, использовал индуктивный метод и рассматривал «коллективы» и «массы» «не как единые существа — организмы либо целостности... не как те персонифицированные органически постоянные субъекты коллективного действия типа “человечества”, “народа”, “класса” и т. п., которыми оперировали Конт и другие социологи-“реалисты”, но просто как большие совокупности людей»

и их взаимодействия».⁴⁷ Данную — номиналистическую — позицию, как представляется, и выражает Эрлих, рассматривая общественный союз как «множество людей, которые во взаимоотношениях друг с другом признают некоторые правила, определяющие их действия, и, по меньшей мере в общем и целом, действуют согласно этим правилам (курсив мой. — Е. Т.)».⁴⁸

С какой же из трех возможных интерпретаций социальной реальности может быть идентифицирована позиция Петражицкого?

Соответствующие представления ученого можно реконструировать, в частности, обратившись к критике им органической школы в социальных науках (в социологии, юриспруденции, теории государства и др.). Главной причиной научной несостоятельности соответствующего круга идей, с точки зрения Петражицкого, был свойственный им «наивно-реалистический» или «наивно-конструктивистский» характер, выражающийся, как пишет ученый, в «метафизических построениях особых... существ», «особых сверх-индивидуальных организмов», «с целой системой органов»⁴⁹ — общества, государства, юридического лица,⁵⁰ правопорядка⁵¹ и т. п., обнаруживаемых «во внешнем мире» в качестве своеобразных «сущностей». Таким образом, Петражицкий, не приемля идеи реалистического бытия социальных тотальностей, фиксирует общую черту органических социальных концепций: придание реалистического характера общим понятиям, помещаемым —

(Давыдов Ю. Н. О. Конт и умозрительно-спекулятивная версия позитивной науки об обществе. С. 222).

⁴⁷ Давыдов Ю. Н. О. Конт и умозрительно-спекулятивная версия позитивной науки об обществе... С. 222.

⁴⁸ Эрлих О. Основоположение социологии права. С. 96.

⁴⁹ Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. С. 399–400.

⁵⁰ Для Петражицкого были неприемлемы обе разновидности органической теории юридического лица, обозначаемые П. А. Сорокиным как *эмпирико-органицистский реализм* (в рамках которого юридическое лицо рассматривалось как «реальный надындивидуальный организм», обладающий собственным «телом» и определенной психофизиологической организацией) и *психологический реализм* (сторонники которого усматривают реальность юридического лица в некоей надындивидуальной психологической субстанции — такой, например, как «единая воля», «общее сознание» или «цель» и т. п.). С точки зрения Петражицкого, обе разновидности реалистических теорий, как *эмпирическая* (если использовать терминологию П. А. Сорокиной), так и *метафизическая* (в терминологии Петражицкого), имеют *наивно-конструктивистский характер*, так как они «строят разные фантастические существа в ненадлежащей сфере, в пространстве», помещая в него «социальные организмы, метафизические и бестелесные воли и т. п.». По тем же основаниям для Петражицкого была неприемлема и *фиктивная* теория юридического лица, существование которой есть прямое следствие натурализации и овеществления социальной действительности, а именно ошибочного представления о субъекте права как о помещенном в пространстве «теле», «организме» или «вещи» — невозможность обнаружения «тела» юридического лица влечет за собой необходимый вывод о фиктивном характере данного субъекта права. Очевидная непоследовательность номиналистической позиции в данном случае заключается в том, что фиктивный характер приписывается лишь одному виду коллективных субъектов права — юридическим лицам, в то время как, подчеркивает Петражицкий, и «город, государство, больница и т. п. есть ничто, в действительности не существующее, если понимать под «действительным существованием» доступность эмпирическому наблюдению (Петражицкий Л. И. Очерки философии права. С. 370).

⁵¹ Как отмечает Петражицкий, современным ему теоретико-правовым представлениям о правопорядке не чужд «элемент олицетворения и антропоморфизма», так как правопорядку или его «воле» приписывается способность наделять субъектов правами, объявлять их неприкосновенными, защищать, возлагать обязанности и т. д. (Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. С. 72–73).

эмпирически наглядно — в пространство «внешнего» мира. Иначе говоря, ученый в данном случае выявляет одну из основополагающих особенностей классического социального сознания, традиционно обозначаемую как гипостазирование понятий.

Объективирующая интерпретация социальной реальности, в равной мере свойственная различным вариантам органических представлений, необходимо исключала из социологического анализа человека как субъекта социального действия. Вероятно, для Петражицкого главным мотивом неприятия реалистических концепций было отсутствие в них какого-либо осмысления того, какую роль в конституировании социально-правовой реальности играет субъект, мотивационно-этические процессы в сознании которого и создают социогенный эффект. Именно это, по мнению А. Валицкого, объясняет, почему ученый «назвал свою теорию “психологической”, а не “социопсихологической”, что, безусловно, было бы точнее». «Его интенция кажется ясной, — пишет польский исследователь, — он хотел подчеркнуть, что “социальное” не существует “вне” или “над” личностью»,⁵² а потому «куда правильнее было бы назвать ее (психологическую теорию. — Е. Т.) “социопсихологической теорией”».⁵³

Реконструкция основных аспектов критики Петражицким социальных теорий, которые можно обобщенно охарактеризовать как реалистические, позволяет сформулировать два вывода: 1) он акцентирует внимание на ошибочности реалистической, обусловленной гипостазированием понятий, интерпретации социальной реальности как находящейся в пространстве внешнего мира некоторой «сущности», мыслимой по аналогии с «личностью», «организмом» или «вещью»; 2) главным основанием его критического отношения к реалистическим концепциям, как в социологии, так и в юриспруденции, являлась осуществленная ими теоретическая дегуманизация и натурализация социального мира,⁵⁴ который, с точки зрения ученого, представляет собой продукт эмоционально-интеллектуальных мотивационных процессов в сознании субъектов.

Критическая установка Петражицкого по отношению к различного рода натуралистическим интерпретациям социальной реальности, практиковавшимся в классическом социальном знании, позволяет соотнести размышления Петражицкого с идеями тех ученых, которые, по общему признанию, осуществили в начале XX в. «антинатуралистический социологический поворот»,⁵⁵ — прежде всего с социологической концепцией М. Вебера и феноменологической социологией А. Шютца,⁵⁶ и таким

⁵² Валицкий А. Философия права русского либерализма. С. 310.

⁵³ Там же. С. 299.

⁵⁴ На эту проблему теоретической дегуманизации, свойственную в той или иной степени всем разновидностям социологического реализма, впоследствии обращал также внимание П. А. Сорокин, подчеркивая, что «проблемы социально-онтологической реальности тесно связаны с их этико-социальным аспектом» (Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. С. 385).

⁵⁵ Давыдов Ю. Н. О. Конт и умозрительно-спекулятивная версия позитивной науки об обществе... С. 259.

⁵⁶ На близость некоторых идей Петражицкого и Вебера обратил внимание А. Подгурецкий, отметив, что «концепция нравственных и правовых импульсий сходна в некоторых аспектах с веберовской дифференциацией между целе- и ценностно-ориентированным социальным поведением» (*Podgórecki A. Unrecognized Father of Sociology of Law: Leon Petrażycki // Law and Society Review. 1981. Vol. 15. № 1. P. 190*). Однако, помимо того, что такое сопоставление не является вполне точным (и нравственные, и правовые

образом продвинуться в понимании того, как Петражицкий интерпретировал способ бытия социальной реальности.

Концептуальная родственность идей Петражицкого, с одной стороны, и Вебера и Шютца, с другой стороны, просматривается в нескольких аспектах,⁵⁷ однако применительно к поставленному выше вопросу ограничимся анализом только одного аспекта — *онтологического*: каждый из них исходил из того, что единицей социологического анализа не может являться какая-либо реалистически интерпретируемая социальная тотальность, а следовательно, их подход к интерпретации социальной реальности можно охарактеризовать во всяком случае как противоположный социологическому реализму.

Для Петражицкого такой единицей является не какая-либо социальная тотальность позитивистской социологии, но мотивационно обусловленное (а не просто рефлекторное или инстинктивное) поведение. Отправное теоретическое понятие социологии Вебера — введенное им в научный оборот понятие социального действия, рассматриваемое ученым в качестве простейшей единицы социологического исследования: «Такие понятия, как “государство”, “сообщество” (*Genossenschaft*), “феодализм” и т. п., в социологическом понимании означают... категории определенных видов совместной деятельности людей, и задача социологии заключается в том, чтобы свести их к “понятному” поведению, а такое сведение всегда означает только одно — сведение к поведению участвующих в этой деятельности отдельных людей», — писал Вебер, выражая тем самым номиналистический подход к интерпретации социальной реальности.⁵⁸ Социальные

эмоции как два вида этических эмоций равным образом могут быть рассмотрены как ценностно-ориентированные), данное замечание не получило какого-либо развития.

Современный исследователь творчества Петражицкого А. Х. Тревино указывает на близость метода интроспекции ученого с концептуальным методом *Verstehen* Вебера. По его мнению, Вебер, рассматривая *Verstehen* как тип интерпретативного понимания культурных явлений (действий и деятельности), стремящийся конструировать взаимоотношения между сторонами с точки зрения «внутреннего» ядра их поведения, их ментальных «установок», подобно Петражицкому различал два вида интерпретативного понимания. Прямое *наблюдательное понимание* («внешнее наблюдение» Петражицкого), согласно Веберу, предполагает «вывод значения акта... из непосредственного наблюдения, без ссылок на какой-либо более широкий контекст», в то время как *объясняющее понимание* («внутреннее наблюдение» Петражицкого) предполагает помещение отдельного акта в более широкий контекст значения, включающий факты, которые не могут быть выведены из непосредственного наблюдения отдельного акта или выражения (*Trevino A. J. Introduction to the Transaction Edition // Petrazyski L. Law and Morality. New Brunswick, 2011. P. XXII–XXIII*).

⁵⁷ В частности, Петражицкий и Вебер исходили из принципа свободы от оценочных суждений в социальных науках, использование которого, таким образом, не всегда свидетельствует о позитивистской методологической ориентации. Кроме того, они старались последовательно провести разграничение социологического и собственно юридического анализа и др. (подробнее об этом см.: Тимошина Е. В. Теория и социология права Л. И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правового понимания. Дис. ... д. ю. н. М., 2013. С. 444–454).

⁵⁸ Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избр. произв. / пер с нем.; сост., общ. ред., послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденоко. М., 1990. С. 507–508. — Следует подчеркнуть, что Вебер, рассматривая в качестве исходной единицы социологического исследования понятие социального действия, противопоставляет собственный методологический подход методу органической школы в социологии, который, по его мнению, направлен на то, чтобы «объяснить совокупность социальных действий, отправляясь от “целого”... подобно тому, как в физиологии объ-

«вещи», полагал также А. Шютц, могут быть поняты только в том случае, если они будут «сведены к человеческой деятельности».⁵⁹

Однако поведение, или социальное действие, не рассматривается ими как объект «наблюдения»: избрав в качестве отправного пункта социологического исследования поведение, они обращаются к анализу мотивационной обусловленности как его существенного и необходимого признака.⁶⁰ Петражицкий полагает, что создание «научной теории мотивации поведения есть необходимое условие для научного построения... дисциплин... которые имеют дело с человеческим индивидуальным и массовым поведением, с социальными явлениями, их историей и т. д.».⁶¹ По мнению Вебера, общая задача социологии (и наук о поведении вообще),

является функция «органа» тела в «системе» организма» (Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избр. произв. С. 616).

⁵⁹ Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А. Я. Алхасов; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; науч. ред. перевода Г. С. Батыгин. М., 2003. С. 107.

⁶⁰ Петражицкий посвящает данной теме отдельную работу «О мотивах человеческих поступков, в особенности об этических мотивах и их разновидности» (1904), которая впоследствии в несколько измененном виде вошла в его «Теорию права и государства». Вебер рассматривает мотивы социального действия в работе «Основные социологические понятия», являющейся частью его незаконченного произведения «Хозяйство и общество».

⁶¹ Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. С. 511. — При этом он полагает глубоко ошибочными и «особенно вредными» господствующие в социальных науках как гедонистическую теорию мотивации, исходящую из тезиса об эгоистической природе человека (Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. С. 512), так и предлагаемую марксистской социологией интерпретацию мотивов социального поведения как исключительно материалистических. Так, Петражицкий полагал, что едва ли возможно найти «более болезненное проявление узкоматериалистического взгляда», чем представление о том, что «организация хозяйства определяет все прочее». Выражая сожаление в связи с тем, что современные ему социальные науки «подчиняются односторонним материалистическим течениям, исходящим из лона политической экономии», ученый подчеркивает, что состояние хозяйства, как и все иные явления культуры, определяется прежде всего «развитием психики в различных ее проявлениях и отложениях» (Петражицкий Л. И. Введение в науку политики права. С. 35). По мнению Петражицкого, существовавшие в сфере хозяйства правовые обычаи являются наглядным примером, опровергающим экономический материализм. «Именно явления обычного права и вообще обычаев, — пишет он, — особенно наглядно доказывают, как «материи» марксистов и вообще экономических материалистов приходится смиренно подчиняться непреодолимому давлению разных кристаллизаций духа, иногда весьма причудливых и фантастических, существующих как бы в насмешку и для доказательства пренебрежения «духа» к «материи», всегда более или менее деспотических по отношению к «материи», представляющих — если не в начале своего появления, то во всяком случае с течением времени, при более или менее продолжительном развитии и укреплении — прокурстово ложе для той «материи», которая, по модному учению, так легко создает себе походящую декорацию в области духа» (Петражицкий Л. И. Обычное право. С. 219).

Данным концепциям, которые ученый характеризует как монистические и анти-исторические, он противопоставляет собственную теорию мотивации, называя ее плюралистической и эволюционной (исторической) (Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. С. 38). Постепенный этический прогресс, полагал Петражицкий, вообще должен устранить детерминацию социального поведения экономическими интересами: «...чем глубже и выше будет развитие культуры вообще и политики права в частности, — подчеркивает он, — тем большее значение и ценность приобретут идеальные, духовные блага вообще, как цель сама по себе, и в частности тем большее значение приобретут идеальные постулаты распределения, справедливости

состоящая в «интерпретирующем понимании осмысленно ориентированных человеческих действий»,⁶² может быть достигнута только путем выявления «связи между отдельными мотивами», что и позволяет осуществить «истолкование смысла поведения».⁶³ Согласно определению Вебера, мотив социального действия есть «*смысловое* единство, представляющее... достаточной причиной для определенного действия (курсив мой. — Е. Т.)».⁶⁴ Соответственно, социология имеет своей целью «интерпретирующее понимание мотивационных связей»⁶⁵ как «*смысловых* связей», благодаря пониманию которых возможно «*объяснение* фактического действия».⁶⁶ Шютц также подчеркивает, что «человеческая деятельность становится понимаемой только при демонстрации ее... мотивов».⁶⁷ При этом, полагает он, никакой поиск каузальных факторов не может помочь понять Другого и его поведение — для этого необходимо «понимать его мотивы, “основания” (*reasons*) его действий и их контекст».⁶⁸ Таким образом, для Шютца так же, как и для Вебера, анализ мотивов, составляя «существенную часть теории социального действия»,⁶⁹ позволяет вернуться к «забытому человеку» социальных наук.⁷⁰ Шютц рассматривает социальные отношения как «интерсубъективную связь мотивов»,⁷¹ или «мотивационное взаимодействие»,⁷² а саму мотивацию — как «основной закон духовной жизни», позволяющий рассматривать «духовное Я Другого» как «подчиненное законам мотивации».⁷³ Определяя мотив как «комплекс *смыслов*», ученый полагает, что для понимания человеческих действий «достаточно найти типические мотивы типических акторов... в типической ситуации».⁷⁴

Сопоставление теории мотивации Петражицкого с методологическими принципами социологического исследования Вебера и Шютца, необходимо предполагавшими интерпретацию мотивов социального действия, позволяет сделать вывод о том, что изучение мотивов поведения отнюдь не свидетельствует о психологическом характере такого исследования, но может быть рассмотрено в качестве необходимой составной части социологического метода.⁷⁵ В таком контексте установка Петражицкого на

и любви в экономии, хотя бы это должно было повести к более или менее значительным жертвам с точки зрения производства» (Петражицкий Л. И. Обычное право. С. 219).

⁶² Вебер М. Основные социологические понятия. С. 607.

⁶³ Там же. С. 610.

⁶⁴ Там же. С. 611.

⁶⁵ Там же. С. 607.

⁶⁶ Там же. С. 608.

⁶⁷ Шютц А. Смысловая структура повседневного мира. С. 107.

⁶⁸ Там же. С. 25.

⁶⁹ Там же. С. 105–107.

⁷⁰ Там же. С. 100.

⁷¹ Там же. С. 108.

⁷² Там же. С. 127.

⁷³ Там же. С. 24–25.

⁷⁴ Там же. С. 105–106.

⁷⁵ В связи с этим следует отметить, что Т. Парсонс так же, как и Вебер, под влиянием которого находился американский социолог, полагал, что в предмет социологической теории входят «*мотивационные механизмы* социальной системы» (Парсонс Т. О социальных системах / под общ. ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М., 2002. С. 304–305). При этом система понимается им не исключительно макросоциологически, как это характерно для классической социологии, а как любая система взаимодействия индивидов, даже если их число не превышает двух (см.: Зафирковский М.

исследование мотивов правового поведения может быть представлена как преследующая цель интерпретации *смысла* такого мотивационно обусловленного поведения.

Наконец, заслуживает внимания, что выделяемые Петражицким типы мотивации — *телеологическая* и *самодовлеющая*, или нормативная, — соотносятся с *целерациональным* (в основе которого лежит ожидание определенного поведения других людей и использование этого ожидания в качестве условий или средств для достижения рационально поставленной цели) и *ценностно-рациональным* (основанным на вере в безусловную самодовлеющую ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет) типами мотивации в социологии Вебера.⁷⁶

Вместе с тем представляется, что в подходе к интерпретации социальной реальности позиция Петражицкого не может быть отождествлена с социологическим номинализмом — в большей степени она соответствует *социологическому концептуализму* в том определении данного понятия, которое давал П. А. Сорокин, так как различного рода социальные образования, так называемые социальные реальности, рассматриваются им как существующие в сознании представления, на которые субъекты ориентируют свое поведение. Так, объясняя происхождение сложившегося «наивно-реалистического» взгляда на государство, Петражицкий пишет: «Соответствующими императивно-атрибутивными мнениями и убеждениями и соответствующим координированным поведением человечество разделяется на отдельные агломераты, как бы единые, крепко сплоченные и отделенные от других тела. Иерархическое распределение властей с дающими общие директивы субъектами верховной власти во главе и с системой исполняющих эти директивы иерархически подчиненных начальств, т. е. соответствующие императивно-атрибутивные *сознания* и соответствующее координированное *поведение*, вызывают представления сложного механизма с единой управляющей силой или сложного организма с «единой волей» и системой исполняющих эту волю «органов» (курсив мой. — Е. Т.).⁷⁷

Петражицкий и Эрлих представили два принципиально различных проекта социологии права — различных прежде всего в их методологических основаниях, что обусловило и различие их онтологических решений. Индуктивному методу в наибольшей степени соответствует представление о социальной реальности как о доступной непосредственному наблюдению *данности*, предлагаемая же Петражицким методология теоретического, в том числе социолого-правового, знания рассматривала социальную реальность как имеющую *конституированный* характер — продукт опосредуемых языком эмоционально-интеллектуальных мотивационных процессов в сознании субъекта, т. е. как феномен, связанный с конструктивной активностью его сознания.

Сорокин и Парсонс. Сравнение вклада в создание социологической теории (часть 2) // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 121–122).

⁷⁶ Вебер М. Основные социологические понятия. С. 628. — Следует также подчеркнуть, что выделяемые Петражицким *телеологическая* и *объектная* мотивации соотносятся с выделяемыми Шютцем «*для-того-чтобы*» и «*потому-что*» мотивами как типичными «*комплексами смыслов*» поведения.

⁷⁷ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. С. 176. — В подтверждение концептуалистской позиции Петражицкого можно также привести следующее его суждение: «результаты психического действия... мотивации... ведут к тому, что с подлежащим... социальным порядком приходится людям считаться и соотноситься аналогично тому, как мы считаемся с законами природы» (Там же. С. 543–544).